УДК 811.511.131

А. Л. Семенова
Национальная библиотека Удмуртской Республики
г. Ижевск

К этимологии союза *но* в удмуртском языке

В статье рассматриваются варианты этимологии союза *но* в удмуртском языке. По версии одних лингвистов, слово *но* заимствовано из русского языка со всеми его значениями. Другие, напротив, относят *но* к незаимствованным союзам. И. Кайсина в своем научном труде руководствуется теорией «code-copying» и считает, что, даже если допустить вариант возникновения соединительного союза *но* на базе собственных языковых ресурсов, неоспоримо влияние русского языка на формирование данной лингвистической единицы.

Ключевые слова: союзы, морфология, письменные памятники, удмуртский язык, этимология.

Но – одна из самых частотных и полифункциональных лексем в удмуртском языке. Многие ученые обращались к изучению представленной лингвистической единицы. Одну из первых попыток научного описания предпринял эстонский финно-угровед Ф. Видеманн в своей работе «Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche» [Wiedemann 1851]. Исследователь рассматривает *но* в разделе «Suffigirte Partikeln», указывая, что лексема может функционировать как сочинительный союз *und*, *auch* ‘и, также’ и в качестве повторяющегося союза со значением, соответствующим немецкому *so wohl... als auch* ‘и… и’, *nicht nur..., sondern auch* ‘не только..., но и’, *weder... noch* ‘ни… ни’. Ф. Видеманн подчеркивает, что *но* не может стоять в начале предложения, объясняя его суффиксальным происхождением (см. подробнее: [Wiedemann 1851: 70–71]). Противительный союз *но* описан в параграфе, посвященном заимствованным русским союзам, которые, по мнению автора, используются в письменных переводах религиозных текстов 1847 г., а некоторые из них встречаются в речи самих удмуртов (см. об этом: [Wiedemann 1851: 252–254]).

Касательно этимологии слова *но* в удмуртском языке существует несколько взглядов. По версии одних ученых, лексема *но* заимствована из русского языка со всеми его значениями (см.: [Калашникова 1968: 146–148; Насибуллин 1998: 42]). В. Г. Калашникова считает, что *но* заимствовано из русского языка и в структуру удмуртского предложения вошло в качестве частицы и союза, которые связывают однородные члены

предложения. Позже в связи с формированием сложного предложения его функции расширились, и союз *но* стал выражать различные смысловые отношения между частями сложносочиненного предложения. В составе удмуртского сложносочиненного предложения функции союза *но* стали значительно шире, многообразнее. Если в русском языке этот союз выражает только отношения противопоставления и несоответствия, то в удмуртском языке он обозначает одновременность, последовательность действий, событий, выраженных частями сложносочиненного предложения, а также отношения противопоставления и несоответствия (см. об этом: [Калашникова 1968: 147]). В. Г. Калашникова подчеркивает, что союз *но* является одним из самых ранних (см. подробнее: [Калашникова 1974: 14]).

Б. А. Серебренников, напротив, относит удмуртское *но* к незаимствованным союзам, отмечая возможную связь с коми частицей *nӧšta* ‘еще’ (см. об этом: [Серебренников 1963: 375]).

К. Е. Майтинская пишет, что в финно-угорском языке-основе были семь-восемь древних указательных местоимений, каждое из которых участвовало в формировании союзов. Удмуртский соединительный союз *но*, по ее мнению, также можно возвести к указательному финно-угорскому местоимению **nə̈*. От данного местоимения образованы в финском, карельском и ижорском *niin* / *nii* (*nin* / *ni*) ‘так; тогда’, в водском и эстонском *nii* ‘так’, в ливском *nei* ‘так; тогда’, в эстонском *ning* ‘и’ (см. подробнее: [Майтинская 1982: 94–95]). Удмуртский союз *но*, занимающий замыкающее место в предложении, по мнению К. Е. Майтинской, возник на базе удмуртской выделительной частицы *но* (см. подробнее: [Майтинская 1982: 89]).

Касательно противительного союза *но* ‘а, но, да’ К. Е. Майтинская отмечает, что он заимствован из русского языка уже в «готовом» виде. В языках, письменность которых развивалась относительно равномерно, средства связи формировались постепенно по мере необходимости оформления сложных синтаксических конструкций на базе слов собственного языка. По ее мнению, в литературных же языках, которые развивались под особенно сильным влиянием окружающих языков и которые за относительно короткое время превратились в активно функционирующие письменные, из-за отсутствия времени для постепенного «выращивания» необходимых средств связи путем медленного преобразования других слов собственного языка союзы в «готовом» виде перенимаются из другого языка (см. подробнее: [Майтинская 1982: 101–105]).

Также в контексте статьи интересно обратиться к этимологии союза *но* в русском языке. Например, по мнению Т. М. Николаевой, *но* возводится к коннектору-актуализатору, передающему нечто актуальное

и существенное (семантика типа ‘вот – здесь – сейчас’). Этот компонент есть в *ныне* ‘теперь’ (см. подробнее: [Николаева 1997: 4–6]).

Одной из последних работ, в которой рассматриваются вопросы этимологии союза *но* в удмуртском языке, является статья И. Кайсиной [Kaysina 2013: 131–144]. По мнению автора, даже если допустить вариант возникновения соединительного союза *но* на базе собственных языковых ресурсов, неоспоримо влияние русского языка на формирование данной лингвистической единицы. И. Кайсина в своем научном труде руководствуется теорией «code-copying» (копирования кода) Л. Йохансона [Johanson 2002: 285–313], согласно которому, копирование русских служебных слов удмуртским языком можно определить термином «adoption». Данное понятие используется Л. Йохансоном [Johanson 2002: 290–291] для обозначения копирования кода от социально доминантного к социально доминируемому коду в ситуации ассиметричного языкового контакта (см. подробнее: [Kaysina 2013: 131–137]).

На наш взгляд, более точная историческая эволюция союза *но* в удмуртском языке в дальнейшем может быть описана посредством более детального изучения удмуртских письменных памятников XVIII–XIX столетий.

Литература

Калашникова В. Г. К этимологии некоторых союзов удмуртского языка // Ученые записки. Вып. 18. Ижевск, 1968. С. 141–149.

Калашникова В. Г. Сложносочиненные предложения в удмуртском языке (в историческом освещении): автореф. дис. … канд. филол. наук. Тарту, 1974. 23 с.

Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 185 с.

Насибуллин Р. Ш. Категориальные и морфологические отношения заимствованных слов из русского языка // Вордскем кыл. 1998. № 5. С. 36–43.

Николаева Т. М. Сочинительные союзы А, НО, И: история, сходства, различия // Славянские сочинительные союзы. М., 1997. С. 3–24.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.

Johanson L. Contact-Induced Change in a Code-Copying Framework // Language Change: The Interplay of Internal, External and Extra-Linguistic Factors. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2002. P. 285–313.

Kaysina I. The Adoption of Russian Conjunctions in Udmurt // Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri = Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. 2013. Vol. 4. № 2. Pp. 131–144.

Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 291 S.